

ТАНЯ — РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Е. ВЕРЕЙСКАЯ

СЕРИЯ
«ОТВАГА, ВЕРНОСТЬ,
ТРУД — ПОБЕДА!»

ТАНЯ — РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Е. ВЕРЕЙСКАЯ

РАССКАЗ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ББК84Р7
В 31

Художник В. Остапенко

В $\frac{4803010102-70}{M152(03)-86}$ 55—87

© Пермское книжное
издательство. Оформление.
1986

Ш ёл декабрь тысяча девятьсот пятого года.

Мне было тогда десять лет, но была я такой маленькой и худенькой, что никто мне больше восьми не давал. Мы жили в фабричном районе большого города в квартире из двух комнат. Отец мой работал в типографии наборщиком, мать была портнихой.

Как сейчас помню тот вечер. Я была простужена, меня знобило, и мама рано уложила меня в постель. Папы не было дома, мама сидела у стола и шила: у нее была спешная работа к завтрашнему дню.

Под стук машинки я задремала. И слышу сквозь сон: вошёл папа — весёлый, бодрый. Мама на него зашикала:

— Тсс... Танюшка спит.

Папа подошёл ко мне, посмотрел, сел рядом с мамой и говорит тихо:

— И лучше, что спит. Достал я...

— Господи!.. Лучше бы не доставал!..

А папа рассердился:

— Глупости болтаешь! Разве ты не жена большевика? Разве смеешь трусить?

Мама тихо ответила:

— Знаю: так надо... Надо!... А только душа у меня болит... А ну, как попадешься с этим? Сколько уж товарищей — кто в тюрьме, кто в ссылке, а кто и казнён...

— Брось ты это! — перебил её папа. — Коли все мы трусить будем, не добиться нам человеческой, свободной жизни. Так и подохнем рабами. А сейчас знаешь какие события? В Москве народ уже поднялся.

Мама так и ахнула:

— Да ну-у? И что же там?

— Вооружённое восстание — вот что там! Баррикады на улицах, бои идут с царскими войсками.

Папа говорил совсем тихо, но я прислушиваюсь, затаив дыхание.

— Да и не в одной Москве, — шепчет папа, — и в других городах вооружился народ... Нет у него больше сил терпеть! И у нас решено выступить. Завтра воскресенье, вот и напечатаем прокламацию! Не меньше тысячи. А там товарищи по заводам разнесут.

Мама спрашивает:

— А ты уже видел прокламацию?

— А как же! Здо́рово написана! Зовёт она

и наших рабочих идти за московскими рабочими. «Все к оружию, товарищи! Пора,— говорится в ней,— самим добывать себе свободу. Да здравствует вооружённое восстание!» А подписано: «Российская социал-демократическая рабочая партия»! Вот посмотри, что я принёс!

Мама отложила работу в сторону. И я глаза приоткрыла, гляжу. Развязал папа тряпку — посыпался на стол новый, блестящий шрифт.

А я до чего шрифт любила! Лучше игрушек всяких! Бывало, прибегу к папе в типографию, завтрак принесу да и смотрю, как он работает,— оторваться не могу. Стоит папа перед большим плоским ящиком, а он-то весь на маленькие ящички перегородочками поделён. И в каждом четырёхугольные длинненькие свинцовые кусочки набросаны, «литеры» называются,— много-много!

Сразу посмотреть — будто бы все и одинаковые, а станешь разглядывать ближе — на всех разные буковки. И занятные такие: выпуклые и шиворот-навыворот. Вот в одном ящичке свинцовые кусочки с буквой «А» лежат, в другом — только с буквой «Б», и так вся азбука.

Стоит папа и составляет их в слова — быст-

ро-быстро, и не уследишь. Вот эти-то буквы все вместе «шрифтом» и называются.

Так вот, высыпал папа шрифт на стол. Блестят буквы, сыплются, шуршат, новенькие, как игрушечки!

Захотелось и мне новенький шрифт посмотреть поближе, да вдруг как вспомнила про Симу, подружку свою, да про весь сегодняшний день... Ох, нет... не до шрифта!.. Снова глаза закрыла, лежу, вспоминаю...

*

...Проснулась я нынче утром — и ничего не пойму! За окном, как всегда, ещё темно. На столе керосиновая лампа горит.

— Мама! Что это тихо так? — спрашиваю. — Почему нет гудков?

Мама молчит. Возится с утюгом. А папа ещё в постели. Руки за голову закинул, улыбается.

— Папа! Разве ещё так рано? Чего ты не встаёшь?

— Тихо, говоришь? Гудков нет? — Папа усмехнулся. — Не загудят нынче гудки, Танюша.

Я начинаю догадываться:

— Забастовка, папа?

— Забастовка, дочка.

Когда я прибежала в класс — а училась я в церковноприходской школе, — уже звенел звонок. Гляжу — а Симы, лучшей подружки моей, нет! И Кати нет. И Люды. А Поля с задней парты наклонилась ко мне, шепчет в самое ухо:

— К нам в общежитие нынче ночью полиции набежало — видимо-невидимо! Весь барак перерыли, искали чего-то... Увели многих! Катиного папу и Людиного...

— А... Симы?

— И Симиного забрали...

А тут входит священник, батюшка. Вошёл туча тучей. Мы все встали. Дежурная молитву прочла.

— Садитесь, чада мои!

Никого вызывать не стал, а начал чего-то говорить, говорить... Да сердито так. А я и не слушаю, всё о Симе думаю... Как же они будут теперь? Мама у Симы больная, не работает. Живут в общежитии, в бараке. Ещё выгонит хозяин...

Только потом, уже в переменку, рассказала мне Поля, про что говорил батюшка. Говорил, что, мол, взбунтовались рабочие, против царя и бога пошли, а бог их за это накажет. А ещё говорил, что если кто из нас знает, которые из

рабочих самые смутьяны, пусть ему, батюшке, всех их назовёт. А бог нас за это наградит и все грехи нам простит.

— Нашёл тоже дур! — фыркнула Поля.

*

Шла я домой — и улиц не узнавала. Всегда, как идёшь из школы, из всех фабричных труб дым валит. Кругом грохот, лязг, гудки! Молот где-то ухаёт, пилы где-то визжат. А народу-то! Особенно если во время смены проходишь. Толпами идут рабочие. Чёрные, замасленные, закопчённые... Усталые идут, домой спешат.

Иду я по знакомым улицам — не те они, да и только! Торчат трубы, как мёртвые. Тихо до того, что даже жутко с непривычки. И народу совсем мало. Проходят рабочие, не спешат. По двое, по трое, негромко разговаривают. Не замасленные, не закопчённые, чистые, будто в воскресенье. А всё-таки на воскресенье почему-то совсем не похоже...

Гляжу — навстречу мне Сима. Из лавочки хлеб несёт. Идёт бледная, глаза заплаканы. Подошла я к ней, взяла за руку, пошли вместе. Молчу, не знаю, что и сказать... И она молчит.

— В школу больше не пойдёшь? — спрашиваю наконец.

— Боюсь, прогонит батюшка... Да и мама хворает... Мне бы на работу куда... Не возмут!..

Помолчали мы.

Я шепчу совсем тихо:

— Сима, у папы твоего нашли что?

— Нашли. Под матрацем прокламаций штук пять... Знаешь, тех, чтоб бастовать...

Сима всхлипнула.

Завернули за угол. У закрытых заводских ворот стоит небольшая кучка рабочих. Вполголоса между собой о чём-то спорят.

И вдруг где-то совсем близко лошадиные копыта застучали. Сима вздрогнула, ещё ниже опустила голову, сжалась вся.

— Вот они, проклятые! — шепчет.

Казачий разъезд шагом проехал мимо нас. Рабочие у ворот замолчали. Казаки на них и не взглянули. А вот рабочие... так и вижу их лица, как они смотрят вслед разъезду!..

*

Лежу я, всё это вспоминаю, уж и не слышу, о чём папа с мамой говорят. А перед глазами — Сима... рабочие... казаки... сердитое лицо батюшки...

Потом всё перемешалось, и я не заметила, как уснула.

Вдруг слышу я сквозь сон, будто кто-то мою подушку двигает. Открываю глаза — мама надо мной наклонилась, вся бледная, глаза большие, руками мне что-то под подушку суёт. А в соседней комнате шаги тяжёлые топают, голоса мужские...

— Мама, — шепчу, — кто там?

— Обыск, деточка. Полиция. Ты спи, авось тебя не тронут.

Не успела мама подняться, входят двое в комнату. А мама:

— Пожалуйста, — говорит, — тут потише. У нас ребёнок больной.

А грубый голос отвечает:

— Ладно! Чего это у вас все ребята хворают? Куда ни придёшь с обыском, всё ребёнок больной.

Я лежу ни жива ни мертва, глаза закрыла, будто сплю. Из соседней комнаты кто-то кричит:

— Сначала здесь осмотрим! Всех из той комнаты сюда!

— А тут только хозяйка, да ещё ребёнок спит.

— Ребёнок пусть спит, а хозяйку сюда. Вышли все и дверь затворили.

Открыла я глаза, вся дрожу. На столе лампа горит, ужин со стола не прибран, постели не смяты. Видно, ещё не ложились спать... А за дверью шаги, голоса.

Дух захватило. Ведь не маленькая, понимаю же: найдут на квартире у наборщика шрифт — ясно же, для чего ему шрифт... Плохо будет папе!

Села на кровати, оглядела комнату. Нигде не видно. Да! А зачем мама у меня под подушкой рылась? Сунула я руку под подушку — и обмерла. Там!.. Крепко завязанный в тряпку, колючий...

Будут искать — и в мою постель полезут. Поля рассказывала, всё-всё перерывают... Нашли же у Симиного отца под матрацем, и у меня найдут... Надо спрятать... скорее... Но куда?!

Дрожу вся, зубы стучат, оглядываю комнату. Нет укромного места! В печку? Найдут. На шкаф закинуть? Слышно будет, да ещё уроню... Сил не хватит, тяжёлый он!

Сижу на кровати, узел в руках держу, не знаю, что делать! А надо! Знаю — надо! Куда же, куда?!

И вдруг осенило меня. Вскочила я, подбежала к столу на цыпочках, заглянула в глиняный кувшин — большой у нас был. Так и

есть, молока в нём ещё порядочно. Перенесла кувшин на подоконник. Стала развязывать узел со шрифтом, руки дрожат, сил нет. Узел крепко затянут. А сама так и жду — вот-вот войдут. Не поддаётся узел. Вцепилась зубами, рванула — развязался! Опустила тряпку одним концом в кувшин. Посыпался шрифт, зашуршал... Так я и застыла... Ничего, ходят там, авось не слышно...

Стало молоко кверху подниматься, тряпку замочило. Разложила тряпку на подоконнике, сыплю горстями, спешу. Поднялось молоко до краёв, а шрифта ещё много, как быть? Отлить? Руки трясутся, подниму кувшин, расплескаю, догадаются... Оперлась руками о подоконник, подтянулась к краю кувшина, давай молоко отпивать... Глотаю, давлюсь, в горле застревает. Чуть не поперхнулась. Вдруг шаги к двери... Я и дышать перестала... Нет, отошли!

Всыпала ещё две горсти — опять молоко до краёв. Снова отпивать стала.

Ух, всё там, до последней буковки! И молоко снова наравне с краем. Отпила ещё глотка три, тряпку сложила, бросила в раскрытую корзину, где у мамы лоскуты лежали. Сама — юрк в постель. В голове шумит, словно лечу куда-то вместе с комнатой, нехорошо так...

Долго ли пролежала, не знаю... Слышу, отворяется дверь, вошли все. Мама говорит, а у самой голос дрожит:

— Ребёнка только не троньте, очень больна девочка!

А кто-то отвечает:

— Девчонка нам ни к чему. А кровать осмотреть надо. Снимите девочку!

— Нельзя, — мама говорит, — тревожить её...

Слышу, еле говорит, бедная. Так мне её жалко стало. И сказать-то ей нельзя, что шрифта под подушкой уже нет.

Прикрикнул пристав:

— Берите девчонку! Нечего тут!

Подошёл папа. Взял меня на руки, сел на стул. А я притворилась, будто и не чувствую. А у самой сердце выскочить хочет. И у папы руки дрожат.

Слышу, сбросили подушку, роются в постели. Долго шарили.

— Ладно, — говорят, — можете класть.

Положил меня папа осторожно. Незаметно повернулась я так, чтобы лицом к комнате лежать. Самой любопытно посмотреть. Приоткрыла веки, гляжу сквозь ресницы...

Как сейчас вижу — два дворника из соседних домов, понятые. Пристав толстый, усатый,

красный. И пуще всего что-то мне его руки запомнились — пальцы короткие, пухлые, как обрубки. Всюду он ими щупал; ходит и щупает по всей комнате, ходит и щупает, пока околоточный с городовыми в вещах роются. И ещё какой-то... шпион, наверное. Этого до сих пор забыть не могу. Всё улыбается, голос сладенький, будто ласковый такой, а у самого глаза, как у лисицы, так и бегают, так и сверлят. И как это он не заметил, что я сквозь ресницы за ним наблюдаю?

Всё перешарили, всюду искали. Папа стоит молчит, мама на стул в уголке села.

Вдруг вижу — подошёл пристав к окну. Ладонями в подоконник упёрся, наклонился всей своей грузной тушей прямо над моим кувшином... Догадался?... Нашёл?... Даже в глазах у меня потемнело...

А пристав сердито выругался вполголоса:

— Черти! Ходи тут из-за них ночью по пурге! Света божьего за окном не видать! — Повернулся от окна да как прикрикнет на маму: — Ну, чего расселась! Убери со стола, протокол буду писать.

Мама встала, тряпкой стол вытерла. Сел пристав протокол писать.

«Ой, — думаю, — что же он такое пишет?..»

А дальше я не помню: не то заснула, не то в забытии лежала. Очнулась как от толчка. Открыла глаза, гляжу — за окном светает. Мама у лампы сидит, шьёт. А посреди комнаты стоит папа.

Вспомнила я всё, чуть не закричала от радости. Цел мой папа! Дома!

Мама говорит:

— Да что я, с ума, что ли, сошла? Как же это не помнить? Говорю — своими руками Танюшке под подушку сунула.

Пожал папа плечами.

— Чудно́, — говорит, — как в воду канул! Не выдержала я, как расхохочусь да как закричу:

— Не в воду, папа! В молоко!

Вздрогнули оба. Посмотрел на меня папа:

— Что она? Бредит?

А я одеяло сбросила, села на кровати, сама от радости и заговорить не могу. И пришло мне вдруг на память:

— Слушай, папа, — говорю я, а сама смеюсь, — я недавно такую сказку читала: жили старички, муж да жена, а у них кувшин волшебный был. Они молоко пьют, а он всё полный... Так и у вас с мамой!

Смекнул папа, оглядел комнату. Бросился к окну, взял кувшин в руки.

— Танюшка, — говорит, — это ты его сюда?..
Я только головой кивнула.

Мама всплеснула руками да как заплачет:

— Умница ты наша, папу своего спасла!..

А папа поставил кувшин обратно на окно, подошёл ко мне, взял меня молча на руки, поднял, прижал к себе и понёс по комнате. Сам молчит, только меня всё крепче к сердцу прижимает.

Остановился да и говорит тихо так:

— Ну и дочка у меня! Настоящая из тебя революционерка выйдет. Не растерялась!

— Как это так, — говорю, — «выйдет»?!
Разве я уже не революционерка?!

Засмеялся папа.

— Верно, — говорит, — и твоя капля уже в общем деле есть.

И болел же у меня живот наутро! Ещё бы — больная, да столько молока залпом выпила!

Это ничего. А вот одно досадно мне было: нельзя подругам в школе рассказать. Хорошо знала — конспирация. Значит, тайна, секрет.

*

В сумерки папа рассыпал шрифт понемногу по всем карманам и — как будто с пустыми руками — ушёл из дому.

Ждали мы его с мамой ни живы ни мёртвы... У меня из головы не выходили Сима и её отец... А ну, как и папа...

Вернулся папа поздно вечером. Мы обе так и бросились к нему.

— Чего вы, глупые? — засмеялся он и обнял нас. — Всё в порядке!

Через несколько дней в городе началось вооружённое восстание.

СЕРИЯ «ОТВАГА, ВЕРНОСТЬ, ТРУД — ПОБЕДА!»

**Елена Николаевна
Верейская**

ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

**Для младшего
школьного возраста**

Печатается по изданию:
Е. Верейская. Таня-революционерка.—
М.: Дет. лит., 1974.

Зав. редакцией *А. Лукашин*
Редактор *И. Остапенко*
Художественный редактор *М. Бурдов*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректор *И. Пархомовская*

ИБ № 1533

Сдано в набор 29.04.86. Подписано в печать 05.11.86.
Формат 70×108¹/₃₂. Бум. офсетная. Гарнитура «Школьная».
Печать офс. Усл. печ. л. 1,4. Усл. кр.-отт. 5,6.
Уч. изд. л. 1,116. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1931.

Цена 10 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Областная типография Челябинского
областного управления издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2.

Верейская Е. Н.

В 31 Таня-революционерка. /Худож. В. Остапенко.—
Пермь: Кн. изд-во, 1986.—28 с. (Отвага, Верность,
Труд — Победа!)

Рассказ о событиях 1905 года

В $\frac{4803010102-70}{M152(03)-86}$ 55—87

ББК84Р7

Дорогой друг!

Ты держишь в руках новую книжку из серии «Отвага, Верность, Труд — Победа!». Она рассказывает об одной девочке, которая спасла своего отца от... Впрочем, раскрой книжку и ты всё узнаешь сам.

Напоминаем тебе, что в этой серии уже вышли следующие произведения:

Л. Кассиль. Сказание о трёх мастерах.

Б. Житков. Красный командир.

С. Михалков. Горнист.

С. Маршак. Рассказ о неизвестном герое.

А. Гайдар. Сказка о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове.

Н. Тихонов. Храбрый партизан.

С. Смирнов. Подвиг майора.

К. Симонов. Сын артиллериста.

С. Могилевская. Сказка о громком барабане.

Стихи о подвиге.

Б. Житков. Рассказы.

В. Маяковский. Кем быть?